

люции наша страна была одной из ведущих в области музыки и даже светочем для Европы. Если мы вспомним весь наш русский авангард, который потом поехал во Францию, это же явление всемирного значения. В советское время было сложнее. Простые люди знали своих композиторов – Дунаевского, Шостаковича, Хачатуряна, бывших очень известными людьми. Единственное, запрещалось что-то новое делать, но у нас оно запрещалось во всем, так что это была общая проблема: в литературе, живописи и музыке. Когда с 60-х по 80-е запреты почти все упали, выяснилось, что у нас очень много крупных композиторов, оказавшихся интересными и для Европы.

— Сейчас есть ощущение жизни – новые имена, новые произведения?

— Это очень большой вопрос, и касается он не только музыки. Наше время не воспроизводит что-то новое, потому что ничего уже нельзя придумать. Сейчас эпоха постмодернизма, когда все вместе смешивается: из этого, казалось бы, получается что-то новое, хотя на самом деле ничего нового нет. Поэтому найти гениального композитора-современника очень трудно или даже невозможно, а раньше они находились всегда.

Сейчас трудное время, и никто не знает, что делать дальше, какие вести поиски. Возьмем простейший пример: сыграйте на фортепиано какой-то аккорд, которого раньше не было, – не найдете. Все уже опробовано, все сделано до нас. Даже шутка такая есть, что вся музыка уже написана.

— Это очень страшный прогноз. Что же нам дальше-то делать?

— Естественно, дальше тоже будут ищущие люди, которые будут находить что-то новое, хотя это уже не будет так ярко и так явно. Ведь и в области науки Нобелевские премии присуждаются не за великие, а какие-то мелкие открытия. Все измельчилось в какой-то степени. Хорошо, музыка – сложный вид искусства. А назовите-ка какой-нибудь абсолютно гениальный современный роман. Трудно.

— При этом молодые композиторы все равно появляются.

Каким вы видите их уровень подготовки, качество и уровень их музыкального образования вообще?

— Образование в музыке пока еще профессионально. Консерватории готовят высококачественных композиторов, музыковедов, скрипачей, пианистов. Весь мир это признает. Это пока ещё у нас не разрушили, как происходит в некоторых других сферах. Единственное, это в крупных городах так, а на периферии есть проблемы. Урезают должности, финансирование, все.

У меня была встреча в Нижегородской консерватории с молодыми композиторами, на которой выяснилось, что на кафедре композиции работает только два профессора. При этом раньше было шесть, десять и больше. Преподавателей с именем становится все меньше, а вместе с ними – меньше студентов. Но уровень все равно очень высок, потому что музыкальные вузы готовят хороших специалистов. Сейчас порой слушаешь музыку – и вроде не особенно интересно, но сделано замечательно, на высочайшем профессиональном уровне. Правда, раньше было так: если хорошо сделано, значит это хорошая музыка, а сейчас эти две вещи разделяются.

— Какие перспективы у нынешних молодых композиторов? Что будет после того, как они выпустятся?

— Если говорить о назначении жизни, то перспективы очень сложные, потому что композиторы сейчас прозябают в бедности. За музыку практически никто ничего не платит. Раньше было так: человек пишет симфонию, министерство ее покупает, и на эти деньги можно было безбедно прожить целый год. Сейчас такого практически нет.

Конечно, композиторы легкого жанра в шоколаде, зарабатывают колоссальные деньги, но это же совсем другое. А в серьезном академическом кругу разве что кино спасает, хотя и туда пролезли все полуконсерваторы. Набрать мотивчик на машине, а она сама подскажет, что делать – это может кто угодно. Тут образования не надо.

— Как изменилась сама профессия композитора? Расширилась или размылась?

Вы сами как ее для себя определяете?

— Композиторами нынче себя называют все подряд, все, кто хоть как-то соприкасается с музыкой. Три нотки извлек – уже композитор. Столько людей на эстраде развелось, кто никогда ничему не учился. Естественно, образование должно быть, потому что музыке писать – очень сложное дело. Тут много чему учиться надо, знать ноты, инструменты, чтобы все это легко было и все время под рукой. А когда напел мотивчик, и тебе его инструментовали – это стыдно.

— Серьезная музыка не может выжить без поддержки государства, и продаж билетов на концерты явно недостаточно. А с государством отношения не такие простые. И вроде бы все разрешено, и есть гранты. Но потом такие истории чуть ли не уголовным делом оборачиваются. Как, на ваш взгляд, нужно выбирать из всего этого?

— Боюсь ошибиться в цифрах, но у нас что-то около 0,2% бюджета дается на культуру, а в Германии – 6%. Вы представляете, какова разница, и как там живет композиторам? Там множество серьезных фестивалей, поддерживаемых государством. Идут заказы, и композиторы просто так ничего не напишут – на Западе они всегда получают деньги. Это мы просто так пишем, а там – заказы, заказы. При Советском Союзе и у нас так же было, но сейчас ничего такого нет. Очень сложно существовать в невостребованной профессии.

— Остается надеяться на инициативы, с помощью которых будет организовываться больше концертов для думающей публики. Пусть инициативы пойдут не от государства, а со стороны зрителя. Тогда на запрос реагировать придется.

— Сейчас спонсорство приобретает массовый характер. Меценаты стараются помочь, и наша музыка попадает в разряд нужной. Ведь Бетховена и Моцарта в сотый раз слушать уже не надо, а что-то неизвестное – уже интересно. Думаю, просвет постепенно будет, но нашим людям, чтобы достичь европейского уровня мышления, предстоит очень долгий путь.

Запланированные расходы российского бюджета на культуру (млрд руб.)

в 2017 году	99,776
в 2018 году	92,829
в 2019 году	87,540
в 2020 году	83,337

Источник: tvkultura.ru